

Одно королевское утро

Яшви Садхир

Наутро после конной прогулки Яшви проснулась в таком состоянии, как будто ее били всю ночь. Больше всего болели бедра, но это было не так страшно, ребра и рука, что причиняло довольно много неудобств. Она ожидала увидеть синяки, но их как раз и не было. После душа ей стало намного лучше, но на месте ссадины образовалась внушительная коричневая корка, которая продолжала цепляться за одежду, и это было не лучшим ощущением в ее жизни. Яшви обернула плечо полоской чистой ткани, туго затянув, а сверху прикрыла рукавом одежды, и решила, что этого будет достаточно, чтобы нормально прожить этот день.

Яшви помнила о приглашении принца позавтракать вместе, но также вспомнила, что вчера не дала ему однозначного ответа вслух, хотя для самой себя все давно уже решила. Тем не менее, она не знала, остается ли приглашение все еще в силе, и лучше оставить эту мысль и завтракать вместе с другими девушками в зале для трапез. Яшви так и бы не пришла к какому-то определенному решению, если бы ее не увидела Прия-джи и не предложила отнести принцу поднос с завтраком. Яшви ничего не оставалось делать, как подчиниться этой просьбе, и она заметила, что поднос накрыт на двоих. Это разрешило все ее сомнения.

Только до покоев Садхира-джи подносу не суждено было доехать в целости и сохранности, потому что по пути Яшви встретила Калу. Она не очень поняла, как все случилось, но поднос со всем своим содержимым полетел на пол, хотя сама она удержалась на ногах. Только теперь весь завтрак оказался прямо перед дверью в покои принца, и наверняка грохот и звон разбитых мисок привлекли внимание половины дворца.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн спал довольно долго, но к завтраку уже успел принять душ, одеться и даже собрать вещи в дорогу. Он ждал, когда придет Яшви. За дверями раздался грохот, и Сонгцэн пошел посмотреть, что там случилось. Под дверями валялось все то, что изначально, видимо, задумывалось как завтрак, а рядом находились Яшви и Кала. Первая казалась растерянной, вторая будто бы даже была рада этому происшествию, но, увидев Сонгцэна, поспешила поклониться.

- Доброе утро, - сказал Сонгцэн, глядя на Яшви. - Я так понимаю, завтрак будет позже.

Наверняка это была очередная выходка с целью задеть Яшви, и сейчас Сонгцэну выпала уникальная возможность расставить все недостающие точки над буквами.

- Яшви, я тебя ждал, заходи, - после этого он перевел взгляд на Калу, ненадолго задумавшись, якобы пытался вспомнить её имя. - Кала, принеси нам, пожалуйста, новый завтрак и проследи, чтобы здесь навели порядок.

Это была обязанность служанок, а не наложниц, которые выполняли работу во

дворце якобы только по собственной доброй воле, и обычно для того, чтобы быть ближе к королевской семье.

Яшви Садхир

- Вот ведь нелепая корова.

Яшви понаблюдала за тем, как рисовая каша стекает вниз по двери в покои Садхира-джи, и только после этого повернулась к Кале, которая, не повышая голоса, чтобы слышала только Яшви, потешалась над ее неуклюжестью и размазанным по полу завтраком. О, как велико было желание сгрести в руку всю эту горячую кашу и налить ее на аккуратно причесанные волосы Калы, а потом все это размазать ей по лицу. Яшви присела к валявшемуся на полу подносу, чтобы уже осуществить свою месть, но противнице необычайно повезло, потому что дверь открылась и в холл перед комнатой вышел привлеченный шумом Садхир-джи. Яшви выпрямилась и поклонилась принцу, правда, с некоторым опозданием, и не нашла, что ответить на слова о завтраке.

Впрочем, необходимость что-то говорить отпала, когда Садхир-джи отправил Калу за новым завтраком и велел здесь все убрать. Яшви ехидно не ухмыльнулась только потому, что довольно хорошо владела собой и умела прятать любые свои эмоции, но она не могла не позлорадствовать над настырной и беспринципной наложницей. И поделом ей. Но Яшви не сомневалась, что Кала в итоге все обязательно перевернет так, что ее обидные слова якобы будут правдой, а вот она, Кала, окажется совершенно незаслуженно обиженной.

Яшви зашла в покои принца, не взглянув на соперницу. Хотя все таки называть ее соперницей было не совсем верно, она больше не могла придумать ей подходящего названия. Яшви не боролась с остальными за внимание принца, ей это было ни к чему.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн зашел в свои покои следом за Яшви и закрыл двери, не став их запирасть на замок, потому что ждал, когда им все-таки принесут завтрак. Война войной, но из-за разборок между Яшви и гаремом никто не будет менять расписание автобуса и переносить рейс в Лхасу.

Стоило намекнуть Аше Прие, чтобы приструнила Калу к следующему приезду, иначе эти разборки начинали надоедать. Впрочем, Сонгцэну стоило помнить, что сегодняшним завтраком он сам провоцировал дедовых наложниц, и сейчас наблюдал плоды этой провокации. Вероятность того, что поднос с завтраком упал случайно в момент встречи Яшви и Калы была близка к нулевой.

- Как отдохнула? - спросил Сонгцэн у Яшви. - Готова ехать сегодня верхом?

Им предстоял не очень долгий путь до Покхары, в Катманду снова ехал рейсовый автобус, который быстрее и удобнее, чем лошадь. К тому же Сонгцэн не знал, насколько девушка сегодня ощущала последствия вчерашнего падения с лошади.

Яшви Садхир

Пройдя в комнату, Яшви остановилась у низкого чайного столика. Она была здесь несколько раз, но только сейчас позволила себе немного рассмотреть комнату, потому что все предыдущие разы больше смотрела в пол, чем куда-то еще. Она заметила, что это была красивая комната сама по себе, а на подоконнике лежала книга, обложка которой показалась ей смутно знакомой. Яшви уже хотела подойти посмотреть, что это была за книга, но была вынуждена отвлечься на вопрос Садхира-джи. Она развернулась к принцу.

- Хорошо, - она рано легла и успела выспаться, благо, что ночью наложницы предпочитают спать, чтобы сохранить свежий цвет лица, а не стоят козни, иначе все было бы совсем печально. Несмотря на то, что сразу после пробуждения она чувствовала себя не очень бодрой, сейчас уже успела расходиться, а происшествие минутной давности добавило тонуса, потому что Яшви довольно сильно разозлилась на Калу. Вплоть до того, что уже готова была поддаться эмоциям и перейти к более грязным действиям. В буквальном смысле грязным. - Я смогу доехать до Покхары.

Если честно, она не очень понимала, зачем Садхир-джи всегда спрашивает ее, готова ли она, потому что она бы в любом случае ответила утвердительно, даже если бы чувствовала себя откровенно умирающей.

- Только если мы не поедем галопом, - добавила она.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Мы не поедем галопом, - пообещал девушке Сонгцэн.

Он подумал, что в следующий раз, когда он будет уговаривать Яшви ездить галопом, он лучше дождется того дня, когда она сможет сесть на привычного ей Рэда. И поначалу попробует справиться с этой задачей на поляне возле конюшни, чтобы испытание не было для Яшви таким сложным.

Сонгцэн сел за чайный столик на подушки. Он подумал, что сегодня Яшви была смелее обычного, и это ему нравилось. Она говорила о том, что ей хотелось, не склонив покорно голову в согласии со всем, что предложит он. Хоть противостояние с гаремом ей вряд ли нравилось, оно позволяло ей расправить плечи и обрести собственный голос.

- Я уверен, что со временем ты научишься ездить галопом, но вчера я поторопился, - сказал Сонгцэн. - Тем более Кало шустрый. Не будем пока спешить.

На конюшне были ленивые лошади помимо Рэда. В том числе ветераны, которые всегда вели себя предсказуемо. Стоило просто более ответственно подойти к выбору лошади для Яшви.

Яшви Садхир

Это обещание ее немного успокоило. Галоп, особенно с ушибленными ребрами, дался ей нелегко, в чем Яшви не хотела бы признаваться вслух. Она не привыкла

жаловаться. Она, конечно, не думала, что в ответ на ее жалобы Садхир-джи разразится потоком ругани и брани, а еще грубым советом поменьше думать о себе и побольше работать, но какой-то внутренний барьер все равно остался.

- Со временем научусь, - она кивнула. Яшви думала, что научиться можно, наверное, чему угодно, если хорошо постараться. Даже если умение ездить галопом верхом на лошади ей никогда в жизни не пригодится, этот навык не будет лишним. У нее было немного времени обдумать все произошедшее вчера во время прогулки и уже после, в саду дворца, и в итоге Яшви пришла к выводу, что все, что ни делается, все было к лучшему. Даже ее падение, хотя изначально было сложновато найти в нем какие-то плюсы.

- В монастыре ведь есть лошади, - заметила девушка. Она могла бы учиться ездить верхом на них, но не знала, насколько они для этого подходят. Она несколько раз видела, как их впрягали в телегу, чтобы доехать до деревни, откуда возвращались с закупленной провизией или чем-то другим, необходимым в монастыре, например, тканью, но ни разу не видела, чтобы на них ездили верхом.

Она хотела вернуться в монастырь. Эта поездка оказалась непростой. И ей нужно было разобраться в себе.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- В монастыре так себе лошади, - ответил Сонгцэн. - Но учиться можно и на них. Если найти подходящие маршруты.

Вокруг Линь Ян Шо были сплошные горы, горные реки и обрывы. Дорога до деревни была более-менее пологой, но другие места, чтобы просто покататься галопом в свое удовольствие, стоило поискать днем с огнем. Тамошние лошади были значительно проще тех, что водились в конюшне клана, но и дури у них было не в пример меньше.

- Вообще они спокойнее Рэда, - добавил Сонгцэн. - Есть смысл попробовать.

Он подумал о том, что в монастырь можно было привезти и амуницию получше, но сейчас было бы неудобно тащить её на себе. Разве что новые поводья, чтобы удобнее было управлять. Этого добра в клане было хоть отбавляй, и оно не занимало много места в рюкзаке.

Раздался стук в дверь, и Сонгцэн разрешил Кале зайти с новым подносом. Она старалась все делать безупречно, но, пока она расставляла на чайном столике принесенные блюда, после того, как разлила в две чашки чай, Сонгцэн направил на одну из чашек синюю энергию и заставил эту чашку упасть, когда наложница проносила свою руку мимо.

- Ты можешь не разводить свинарник в моих покоях? - спросил Сонгцэн, пока наложница торопливо убирала горячую лужу и наливала чай заново. - Выйди, дальше мы справимся сами.

Кала поклонилась и поспешила выйти из комнаты.

Яшви Садхир

Наверное, со стороны она выглядит очень трусливой, но Яшви хорошо знала разницу между смелостью и безрассудством. Человеку, который еще не очень уверенно держится в седле, безрассудно учиться галопу на незнакомой непривычной лошади. Человеку, который живет всю жизнь по указке других, смело высказывать свое мнение и учиться жить самостоятельно. У этого не было ничего общего. Ей не нравилось падать с лошади, это было больно и неприятно, и, само собой, она не хотела этот опыт повторять.

Зашла Кала с завтраком. Яшви еще не успела присесть за столик, и стояла где-то в стороне от него, и ей с ее места было хорошо было видно, как наложница разливала чай и расставляла миски с завтраком на низком столике. То, что случилось дальше, поначалу заставило ее отнестись к произошедшему с несвойственным ей злорадством, однако почти тут же это чувство сошло на нет.

- Она не роняла эту чашку, - с некоторым напряжением в голосе заметила Яшви, когда за Калой закрылась дверь. Только после этого она подошла и опустилась за столик напротив Садхира-джи. Яшви не очень поняла, как это произошло, но она точно видела, что рука Калы не касалась чашки, которая впоследствии упала, разлив горячий чай. Это был повод не верить своим глазам, но тогда у нее останется слишком мало вещей, в которые она может верить.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви оказалась на удивление внимательной. И при этом по сути вступилась за Калу, которая поначалу пыталась подставить её саму, ведь первый поднос с завтраком наверняка несла именно Яшви. Сонгцэн налил чай взамен разлитого.

- Я знаю, она уронила поднос, который несла ты, - сказал Сонгцэн. - А чашку опрокинул я.

Он понимал, что Яшви это могло не понравиться, но считал, что врать будет еще хуже, потому что от этого между ними на ровном месте возникла бы неприятная недомолвка, да и неправильно было заставлять девушку сомневаться в том, что она видела своими глазами.

- Не дал ей показать мастер-класс, как правильно носить подносы, - добавил Сонгцэн.

Это была мелочь. Он считал, что тем, кто задибался к Яшви, нужно было доходчиво объяснять, что так делать нельзя. Потому что иначе получалось, что реальная власть во дворце принадлежала наложницам, и допустить это было бы безумием.

Яшви Садхир

Яшви не стала уточнять, как именно Садхир-джи это сделал, потому что видела и то, что он тоже не прикасался к чашке. Но ведь есть какая-то магия, которая ей все еще неизвестна, зато наверняка известна принцу. Он может управлять водой, может быть, он заставил воду в чашке как-то вытечь через край... Ну или что-то вроде того. Но от этого признания Садхира-джи у нее осталось какое-то двоякое

противоречивое чувство.

- Я не могу сказать точно, кто из нас уронил поднос, - по сути дела, Яшви этого тоже не поняла, потому что Кала не выбивала у нее его из рук и не толкала. В глубине души она, конечно, считала, что сама, без участия Калы, не уронила бы поднос, потому что это было практически нереально, но и доказать причастность наложницы к этому падению не могла. На что наверняка и рассчитывала Кала - в коридоре ведь кроме них никого не было, чтобы кто-то мог подтвердить это. Да и Яшви больше рассердило не то, что она поспособствовала падению, а то, что она позволила себе высказаться вслух. К тому же Кала уже получила свое, когда Садхир-джи поставил ее на одну ступеньку с обычной служанкой, заставив принести завтрак и распорядиться об уборке последствий.

- Но зачем? - спросила Яшви. Ей хотелось получше понять мотивы принца. - Я не соревнуюсь с ней в правильности ношения подносов с завтраками.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я хочу, чтобы и она перестала с тобой в этом соревноваться, - ответил Сонгцэн. - Я не в том положении, чтобы просто игнорировать её выходки в твой адрес. Иначе Кала и подобные ей решат, что они в своем праве, когда так себя ведут.

Он считал, что наложницы и так слишком много себе позволяли. Их полностью содержали на деньги казны, и они жили в роскоши. Если Сонгцэн мог бы понять их желание найти себе покровителя в его лице или в лице одного из командиров, то он не мог допустить того, чтобы в результате конкуренции страдали те, кто не имеет отношения к разведенному дедом серпентарию.

У него были мысли о том, что нечегонеделанье было одной из главных причин, почему наложницам хватало сил и времени на все эти подковерные разборки. И Сонгцэн был бы рад, если бы эти женщины получили возможность заниматься чем-то полезным. С уборкой и ношением подносов вполне справлялись служанки, а в клане могли быть специальности и помимо воинских, где энтузиазм той же Калы мог найти полезное применение.

Сонгцэн принялся есть кашу, пока она еще не остыла.

Яшви Садхир

Яшви сомневалась, что Кала так все это просто оставит, и надежда у нее была только на то, что она уже сегодня уедет в монастырь, возможно и даже скорее всего уже навсегда, потому что у нее больше не было повода или необходимости приезжать в клан. Кала будет чувствовать себя в безопасности и переключится на других соперниц своего круга и статуса, чтобы оказаться замеченной принцем, но замеченной уже в хорошем смысле этого слова, а не как человек, который роняет подносы и разливает чай, даже если она не сделала ни того ни другого. Яшви не была злобливой. Конечно, как и многие люди, она испытывала негативные эмоции, но первая никогда не стремилась их как-то подтверждать словами или действиями.

- Я думаю, вы знаете лучше, как сделать...лучше, - в итоге ответила Яшви, хотя это прозвучало довольно коряво. Яшви вообще не представляла, как можно управлять

таким большим количеством женщин, каждая из которых пытается за чужой счет или самоутвердиться или по головам залезть повыше, где солнце ярче светит и сильнее греет. Садхир-джи жил в клане и знал этих людей лучше, чем она. Она бы все равно не смогла ничего сказать или сделать против. Но сама ситуация, особенно поведение в ней принца открыли его ей с другой стороны. До этого Яшви считала, что Садхир-джи мало похож на Кобр. Теперь она понимала, что когда живешь с Кобрами, нужно быть Коброй, и у них больше схожего, чем ей казалось.

Она решила, что сказала все, что могла сказать, поэтому замолчала, и по примеру принца начала есть, чтобы не терять время еще больше. Каша уже немного остыла и была вполне съедобной, хотя поначалу Яшви казалось, что от Калы станется насыпать туда земли из сада или золы из очага.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн почувствовал, что Яшви не одобряла его выходку. Ему было неприятно это понимать, но сейчас разговор о Кале стоило закончить, потому что смысла в нем не было. Этот вопрос стоило решать Аше Прие, а им сегодня предстоял долгий путь в Линь Ян Шо, где все иначе и не обязательно бывать коброй, чтобы отстаивать свои интересы. Сейчас Сонгцэн чувствовал, что ему нужно было одобрение Яшви, хотя прежде он этого за собой не замечал.

- Если бы у меня был гарем, мне бы пришлось замечать такие выходки круглосуточно и что-то с этим делать, - сказал Сонгцэн. - Мой дед уникальный человек, что считает это отдыхом. Как по мне, проще разводить скорпионов. Дешевле и меньше яда.

Он считал, что его дед ничего особо не потерял бы, если бы он в свое время женился. С годами он и так не проявлял никакого явного интереса к своему гарему, разве что со все той же Ашей Прией его связывала давняя привязанность. Сонгцэн видел в обычае держать гарем пережиток прошлого, требующий много ресурсов.

Яшви Садхир

Яшви ответила не сразу. Она поставила миску с кашей обратно на стол и некоторое время обдумывала что-то свое. Садхир-джи не должен был оправдываться перед ней, это было неправильно. Он принц, и может делать все, что считает правильным и нужным. Ее ободрение или неодобрение здесь ничего не значит.

- Садхир-джи, вы думаете, Его Величество, ваш дед, знает, что происходит в его гареме, когда наложницы предоставлены самим себе большую часть времени? - Яшви это показалось даже немного смешным, хотя она не улыбнулась. Она не хотела говорить плохо о вожде клана Кобр, да даже думать плохо не хотела, но была почти что уверена, что Его Величество не знает и половины того, что творят наложницы, когда уверены, что никто их не видит, особенно Прия-джи или кто-то из тех, у кого есть власть над простыми смертными. - Я не хотела вам говорить, но на следующее утро после возвращения из Катманду мне в комнату подбросили дохлого ужа.

Она замолчала. Яшви редко говорила много, предпочитая обходиться лаконичным минимумом слов, но тут, как она ни старалась, не смогла ничего сократить, чтобы

уместить свою мысль в пару коротких предложений.

- Если бы у вас был гарем, вы бы тоже вряд ли знали обо всем. Если только кто-то не стал вам жаловаться или доносить специально, - ей это казалось довольно логичным. Она, правда, не могла говорить о других девушках, но если бы вдруг случилось такое, что ее бы продали или отправили в какой-то гарем, не обязательно гарем Садхира-джи, то она бы не призналась о его грязных тайнах даже на смертном одре перед тем, как ее бы сожгли, а пепел высыпали в озеро или реку.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я уверен, что сейчас его Величество интересуется максимум стоимостью этого всего в месяц, и в подробности он не лезет, - сказал Сонгцэн. - Я не удивлюсь, если он сейчас не всех знает в лицо и тем более по именам.

Наверняка в молодости гарем выполнял свою основную функцию исправно, и вождь клана общался с наложницами близко и часто. Но не сейчас, когда его Величество в силу возраста предпочитал развлечения поспокойнее. Иначе никому из девиц и в голову бы не пришло с кем-то явно флиртовать, пытаясь наладить личную жизнь. Насколько знал Сонгцэн, в прежние времена измены наложниц карались либо казнью, либо, в лучшем случае, ссылкой в монастырь.

- Мой дед привык жить так, как велят древние традиции. Но я считаю, что брак моих родителей приносит им больше счастья и благополучия, чем деду его наложницы, - сказал Сонгцэн. - Не говоря уже о том, что вся эта ситуация несправедлива по отношению к той же Аше Прие.

Такие вещи не было принято обсуждать вслух. Но Яшви не имела отношения к политике клана, поэтому Сонгцэн счел возможным это произнести.

Яшви Садхир

Яшви считала, что то, что говорит Садхир-джи - очень показательно. Она могла говорить только голословно, но из того, что ей уже успел рассказать мастер Радж, и что она узнала самостоятельно, наблюдая за другими, она поняла, что невозможно управлять людьми, не зная их. Наверное, поэтому Прия-джи так хорошо справляется с целым гаремом, который ей совершенно не нужен, но должен быть для статуса и показания богатства клана и для чего еще там обычно разводят гаремы в возрасте, когда приличнее думать о бессмертной душе, а не о женщинах.

- Вы знаете, что есть другая жизнь, которая может быть лучше, - Яшви снова взяла в руки миску с кашей. Садхир-джи уже не в первый раз говорил о том, что брак его родителей, вначале бывший стратегическим ходом в целях заключения крепкого союза, в итоге превратился в нежную привязанность, но перед ее глазами было больше примеров, когда браки, заключающиеся не по желанию самих людей, а по традициям, обычаям, требованиям или указаниям других, очень редко заканчиваются так сказочно, как этот. Исходя из этого, смысл фразы "исключения только подтверждают правила" для Яшви оставался бесконечно далеким. - Многие лишены даже этого знания и живут по традициям, к которым привыкли. Для большинства девушек возможность оказаться в гареме предпочтительнее, чем оказаться в борделе.

Яшви сейчас задумалась о том, что не помнит, о чем спор и что она пытается доказать принцу. И вообще пытается ли она что-то ему доказать, или просто в ней говорит какая-то детская обида за то, что нарисованный ею самой волшебный образ благородного принца оборачивается обычным реальным живым человеком.

- Я...я не знаю, зачем я это говорю, - немного растерянно призналась она. Может быть она просто хотела показать, что его мир отличается от ее мира?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн понимал то, о чем говорила Яшви. Что корень проблемы был не в том, какую жизнь старались выбрать наложницы, а в том, почему они оказались в этой ситуации, не зная, что может быть как-то иначе. Его мать не выбирала между тем, чтобы быть одной из женщин касты женщин или женой отца. За неё приняли решение о браке, но она все равно пришла к этому браку со своим жизненным опытом.

- Спасибо, что говоришь. Мне важно слышать то, что думаешь ты, потому что ты можешь видеть то, что не привык видеть я, - ответил Сонгцэн.

Он учился у Яшви. Пусть не как Сиддхартха Гаутама, когда впервые вышел за пределы дворца, но все же он многое не знал и не мог представить, пока не столкнулся лично, увидев, как девушек продавали на рынке, или познакомившись с семьей Яшви, для которых было нормальным продавать детей.

- У меня есть мысли, как будет правильнее, но я пока не знаю, как и когда смогу их воплотить, - сказал Сонгцэн. - Я считаю, что женщины должны иметь возможность, чтобы получить образование и специальность, которая будет полезна клану и союзникам. Ввести новую систему обучения. Пусть будут те же экзамены, но не только на статус воина. Если женщина захочет стать воином, лекарем, провидцем - почему не дать ей эту возможность? Клану это выгоднее, чем содержать гаремы.

Яшви Садхир

Традиции складывались веками и существовали веками, отказываться от них в одночасье по чьему-то приказу будет сложно. Яшви думала о том, что большинство женщин, привыкших к одному и тому же положению вещей, когда каждая должна выйти замуж и родить какое-то количество детей, поначалу даже не будут знать, чего они хотят. Потому что долгое время у них был только один путь, и когда дать им выбор, чем они хотят заниматься, многие растеряются и выберут что-то привычное.

С Яшви было то же самое. Когда она знала, что ее жизнь в итоге пойдет по какому-то заведомо известному и привычному сценарию, она могла противиться против замужества сколько угодно, потому что это было приятно, мечтать о чем-то другом. Когда перед ней открылись многие двери, она застряла на одном месте и топталась на нем, не зная, что ей делать, и потому ждала от кого-то подсказки или совета, куда идти. Она не знала, чего она хочет, и хваталась за все сразу и подряд, чтобы ухватиться хоть за что-то, что придаст ей стабильности и уверенности.

- Почему вы не расскажете о них Его Величеству? - Садхир-джи еще не скоро станет правителем, ведь перед ним вождем еще будет его отец, и ждать, пока придет время - это ждать минимум несколько десятилетий. Это не изменит ситуацию во всем мире, но можно изменить для начала что-то малое, например клан.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я надеюсь, что меня услышит отец, - сказал Сонгцэн. - При всем уважении к Его Величеству, эпоха больших перемен требует много сил и много времени.

Если та политика, которую клан вел веками, и несколько десятилетий поддерживал под руководством Нилама Садхира, резко изменится, это может навредить вождю. Потому что в таком его поведении все усмотрят либо постороннее влияние, либо старческое безумие, и тогда могут начаться дворцовые интриги, а то и покушения. Сонгцэн считал, что сейчас правильнее готовить почву, а не ждать всходов перед заморозками.

- Отец в свое время много путешествовал по Европе, он скорее будет готов пересмотреть какие-то из существующих традиций, - добавил Сонгцэн.

Его отец уже шел вопреки части из них. Например, когда разогнал свой гарем и много времени проводил не в клане, а в Линь Ян Шо. Но в то же время он был намного мудрее и опытнее Сонгцэна и лучше понимал, какой путь сейчас будет правильнее для клана.

Яшви Садхир

Яшви заметила, что разговор о женщинах и том, как бы было лучше изменить их жизнь в будущем, велся бы без участия женщин. Его Величество и его Высочество принц Кэйлаш все-таки были мужчинами и мало что могли знать о том, что нужно женщинам. Все равно, что менять одно принуждение на другое. На словах Садхира-джи все звучало очень даже красиво, оставалось надеяться, что и в жизни все будет также красиво. Правда, вряд ли Яшви когда-нибудь это узнает, она полагала, что ее это путешествие в клан было последним. И ей предстоит провести большую часть своей жизни в монастыре, если только она все-таки не придумать, куда должен вести ее путь. Садхир-джи говорил, что путь умнее идущего, но, видимо, он умен только в том случае, когда и сам человек, который по нему идет, не менее умен, чтобы это работало. Пока Яшви не видела, куда идет.

Правда, Яшви не знала, как сказать принцу о том, что решать такие вопросы кругом мужчин, допущенных в советники правителя, как-то...бессмысленно? неправильно? Да и как она могла в этом деле что-то советовать, если понятия не имела о том, как управляют кланами. И как вообще кем-то управляют? Она собой-то никогда не управляла всю свою жизнь.

Вопросов все еще оставалось слишком много, больше, чем хотелось бы. Если принц Кэйлаш много путешествовал по Европе, почему он ничего не меняет сейчас, когда есть такая возможность? Она чаще видела его в Линь Ян Шо, чем в клане, у него не было гарема, но разве этого достаточно?

- А что думает Бо-джи? Она же тоже женщина, - спросила она.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви задала сложный вопрос, потому что в случае с матерью она по меркам обоих кланов "тоже женщиной" не была. Она была исключением из всех возможных правил, и сами женщины кланов в основном относились к ней довольно недружелюбно. Особенно Кобры, за редкими исключениями.

- Она думает об интересах своего клана и о безопасности Линь Ян Шо. Иногда еще о том, как заставить остальных мастеров работать, - сказал Сонгцэн. - Она была воспитана в касте воинов, у неё довольно натянутые отношения с женщинами обоих кланов.

К тому же мать не влияла на политику Королевских Кобр. Тигры прислушивались к её мнению, но она все равно считала себя тактиком, а не стратегом, и в важные вопросы старалась не вмешиваться сильнее, чем выполнять на этот счет приказы вождя и старейшин.

Сонгцэн уважал свою мать и понимал, что её судьба никогда не была легкой. И она считала, что ей сложнее, чем женщинам кланов. Это было правдой. У неё были права, которые тигрицам и не снились, но из-за этого она не раз рисковала жизнью и проливала кровь за свой клан.

Яшви Садхир

Для Яшви эти слова прозвучали как "ей все равно", поэтому она не стала развивать тему дальше. Наверное, она и правда могла понять такую позицию, хотя ей было странно само понимание, что ты либо воин, либо женщина, и ты не можешь быть и тем и другим одновременно. Если ты решаешь быть женщиной, ты должна отказаться от всего остального, но если ты воин, ты должна забыть о том, что ты женщина. Может быть, на самом деле все было не так категорично, но Яшви мало знала о порядках в кланах, для нее эта картина именно так и выглядела - либо только черное, либо только белое. Видимо, это было пока слишком сложно для ее понимания.

- Надеюсь, когда-нибудь все изменится, - Яшви отставила опустевшую миску и взяла чашку с почти остывшим чаем, потому что за этими разговорами времени прошло чуть больше, чем планировалось изначально, но все равно до того момента, как нужно будет отправляться в путь, оставалось еще около получаса или даже больше. Яшви уже успела собрать свои немногочисленные вещи, и ей нужно было только переодеться в дорожную одежду, но это было делом пяти минут.

Все равно одними разговорами было ничего не изменить. можно сколько угодно обсуждать то, что может случиться в будущем и представлять себе это счастливое сказочное будущее, но оно таковым и останется, если ничего не делать.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Все, что хочет выжить, должно меняться, - сказал Сонгцэн. - Я уверен, что изменится.

Ни один государственный строй не мог сохраняться вечно, ни одна политика, ни одна идеология. То, что оказывалось устаревшим, вычеркивалось временем и попадало в жернова эволюции. Никогда не было золотого века, настоящее и будущее давали свои возможности и ставили свои задачи. Если отказываться от возможностей, цепляясь за устаревшие традиции, погибнешь дураком.

Но у любых перемен и инноваций была сдерживающая сила: народ всегда консервативен. Если отдельные его представители, в основном в том возрасте, когда они не успели обрести более-менее комфортную стабильность, готовы нести перемены, большинство предпочитает синицу в руках. Это все нужно было учитывать, чтобы изменения носили характер эволюции, а не революции.

Сонгцэн допил чай и взял с тарелки со сладостями шарик ладду. Нужно было уже собираться, чтобы успеть на автобус, потому что после вчерашней прогулки Яшви будет сложно много ехать рысью.

- Ты уже собрала вещи? - спросил Сонгцэн у девушки.

Яшви Садхир

Она никогда не думала о жизни в таком ключе, но, задумавшись сейчас, согласилась с Садхиром-джи. Только если думать не о переменах, как таковых, а о способности приспосабливаться к этим переменам. Яшви очень жалела о том, что никогда училась в школе, потому что очень многое упустила из того, что знали те же десятилетние, например, дети. В ее возрасте девушки уже готовились поступать в университеты, а не выходить замуж, а она до сих пор читала с трудом, не говоря уж о чем-то еще более сложном. О физике, химии, биологии и прочих школьных предметах, экономике, например. Что-то рассказывал мастер Радж, но все это было скорее отдельными кусками чего-то общего, и одной картины у Яшви так и не сложилось. Она была искренне рада за Джию, потому что у нее была возможность жить лучше уже сейчас.

- Да, - ответила она Садхиру-джу. Она быстро допила остывший чай, потому что остывший пить не так вкусно, как обжигаяще горячий. - Мне нужно только переодеться. Я пойду.

Девушка поднялась из-за столика, и взгляд ее снова упал на книгу на подоконнике. Обложка казалась ей очень знакомой, и Яшви, наконец, вспомнила, где она ее видела раньше.

- Это Ли Цзинжао? - спросила она у принца, взглядом указывая на книгу. Ее поиски все время были вокруг и около ее конечной цели, и разгадка оказалась бы такой легкой, если бы книга не была связана с Майей Тхакур, говорить о которой Яшви лишний раз не хотела.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Хорошо. Встретимся через полчаса у конюшни, - ответил Сонгцэн и также поднялся из-за стола.

Потом девушка обратила внимание на книгу, которая давно уже лежала на

подоконнике. Он даже не стал оборачиваться, потому что книга там лежала только одна и помнил он её очень хорошо. Он сам не знал, почему до сих пор не отнес её в библиотеку, а держал здесь в качестве напоминания. И Сонгцэна несколько удивил интерес Яшви.

- Да, Ли Цзинжао, - ответил он. - Ты хотела почитать?

Яшви сейчас понемногу читала классические книги, а поэзия часто читалась легче прозы. Девушка вряд ли знала о том, почему эта книга лежала здесь, и как она была связана с Майей Тхакур, и Сонгцэн не видел причин сейчас об этом всем говорить. Как не видел причин охранять томик Ли Цзинжао с видом дракона в сокровищнице, потому что в этой книге как объекте материальном не было той ценности, которую она для него несла в его памяти.

Яшви Садхир

- Я долго ее искала, - ответила Яшви. - Я бы хотела ее взять, если можно.

Яшви не знала, чем ее так зацепила эта книга в том сне, когда она видела принцессу, но ей почему-то казалось, что она не зря была с этой книгой. Может быть, она так хотела сказать еще что-то очень важное, что Яшви должна найти в этой книге. Она даже не знала что сможет там найти и что хочет найти. Как и мало понимала последние слова Майи насчет принца. Он же не вещь, чтобы передать его друг другу. К тому же...Нет, все, она не будет об этом думать слишком много, это не имеет никакого смысла.

- Если позволите, я возьму ее с собой в монастырь? - уточнила она. Каким бы ни был большим соблазн прочитать книгу прямо сейчас, как только она попадет к ней в руки, Яшви понимала, что не успеет это сделать за полчаса, потому что читала медленно, и эти полчаса лучше оставить на последние сборы и подготовку к отъезду, а не чтение. В монастыре у нее будет возможность прочитать ее тщательно, от обложки до обложки.

Она понимала, что эта книга может быть дорога Садхиру-джи, и готова была встретить его отказ. Тогда она просто купит себе экземпляр в книжном магазине в Покхаре или Катманду, а то и Лхасе. Это же ведь не единственная ее книга.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн задумался на пару мгновений. Эта книга не была каким-то уникальным раритетом, чтобы держать её только во дворце - обычное массовое издание, замену которому при необходимости можно было найти. В этой ситуации отказать Яшви в просьбе означало проявить мелочную сентиментальность там, где в этом не было никакого объективного смысла.

- Да, бери, и можешь взять её в монастырь, - ответил Сонгцэн.

Он сам взял книгу с подоконника и отдал её девушке. Нужно было уметь наводить порядок в чувствах и голове и не замещать привязанности души материальными напоминаниями. Тогда эта память будет более честной. Для памяти Майи нужно было не хранить в комнате книгу, которой она казалась, а уничтожить тех, кому её

клан не давал переправлять через горы поставки наркотиков. И Сонгцэн надеялся, что скоро ему это удастся. Нужно было только дождаться от деда соответствующего приказа.

Его Высочество мог придерживаться тех взглядов, которые Сонгцэн считал устаревшими, но он был очень опытным и мудрым стратегом в том, что касалось войн, которые вел клан. И здесь его мнение нужно было считать безоговорочно верным.
